

УДК 343.9

Г.Н. ГОРШЕНКОВ,
доктор юридических наук, профессор

Нижегородский государственный университет им. Лобачевского

О КОРРЕКТНОСТИ ПОНЯТИЙНЫХ КАТЕГОРИЙ В КРИМИНОЛОГИИ

В статье анализируется особенность современной криминологии, заключающейся в возникновении и введении новых дефиниций. Автор отмечает необходимость корректности криминологической терминологии, высказывает собственные предложения по поводу того, как избежать многозначности и путаницы в терминологии.

Относительно молодой возраст новейшей отечественной криминологии влияет и на ее квалификацию как преимущественно юридическую науку, ибо закон устанавливает границы преступного и регулирует борьбу с преступностью.

Криминология западных стран в большей мере ориентируется на социологию преступности, а в последнее время – и на психологию человеческого поведения и превращается в комплексное, междисциплинарное знание.

Масштабы криминализации общества и требование адекватности этого феномена и системы знаний о нем, по мнению автора, порождают тенденцию к интеграции теоретической криминологии с философской антропологией, социальной философией, философией истории, социологией, экономической теорией, политологией, социальной и общей психологией, статистикой и другими философскими и конкретными науками.

Авторы "Криминологии"¹ справедливо подчеркивают, что преступность – это постоянно развивающееся явление, которое пронизывает все сферы общественной жизни и тесно связано с проблемой человека и его исторической судьбой, но сильно зауживают объект и предмет своей науки.

Современную криминологию можно смело назвать инновационной (от англ. innovate – "вводить новшества" [1, с. 343]). В современной криминологической науке введено и вводится немало дефиниций, которые вызывают по отношению к себе неоднозначные оценки, а то и побуждают к их неприятию. И это объясняется хотя бы уже тем, что любое новое направление, новый аспект исследуемой проблемы, как правило, начинается с сомнений. К тому же новые идеи нередко не соответствуют, а иногда и противоречат устойчивым, традиционным оценкам многих вопросов, в которых рассматриваются те или иные аспекты преступности, их взаимосвязи, управленческое воздействие на них.

Даже в случае, когда иная идея, по сути, является и не новой, а хорошо забытой старой, воспроизведенная по прошествии очень многих лет, она по-прежнему вызывает неприятие. Например, среди ученых по-прежнему вызывает недоумение высказанное еще основоположниками уголовного права понимание преступности как о категории вечной, изначально присущей человеческому обществу и проистекающей из самих элементов человечества, и "нельзя совершенно устранить преступность, как невозможно избежать войн, болезней, пауперизма и других бедствий" [2, 3].

Анализируя идею нормальности, закономерности и даже, по мнению Э. Дюркгейма, в определенной мере полезности преступности

¹ Криминология: учебник для вузов; под ред. проф. А.И. Долговой. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Норма, 2007.

для общества, профессор В.В. Лунеев признался: "Много лет с кафедры юридического вуза я критиковал эти идеи. Очень хотелось верить и верилось... что, действительно, преступность – явление классовое, исторически преходящее, обусловленное несовершенством социальных отношений, обремененных пережиточными процессами дикого эксплуататорского прошлого, и что если их последовательно устранять, то будет "отмирать" и преступность" [4, с. XII]. И далее ученый констатирует: "Итак, общество не в силах искоренить преступность, но оно в состоянии удерживать ее на более или менее социально терпимом уровне. Общество без преступлений утопично" [4, с. XVI].

Следовательно, то, что мы называем преступностью, вызвано потребностью общественной жизни. Это закономерное и нормальное для общественной жизни явление. Употребление определения "нормальное" по отношению к преступности далеко не все найдут нормальным. Но человек непредсказуем, его природа противоречива, он способен как на добро, так и на зло, и в том и другом бывает ненасытен. И это нормально, то есть такова норма природы, которой подчиняется человеческая жизнь. Таким образом, к сожалению, оказывается нормальным и то, что "преступность – это социальное явление, заключающееся в решении частью населения своих проблем с виновным нарушением уголовного запрета" [5, с. 7]. С помощью преступлений, подчеркивает ученый, "люди решают многообразные проблемы, а не только удовлетворяют какие-то особые извращенные потребности и интересы" [5, с. 8]. И это, к сожалению, нормально для миллионов людей. Эти люди руководствуются нормами, которые санкционированы не властью (и в том числе определены в уголовном законе), а силой обычая и общественного мнения, формируются в нравственном сознании стихийно [6].

Как считает автор, в закономерном сложившихся со временем в обществе неравных, потому несправедливых отношениях собственности возникла справедливая, по убеждению людей (не имеющих возможности обогащения, не способных к этому, обделенных и угнетенных,

добросовестно заблуждающихся, злоумышленных и т.п.) мораль, требующая от имущих делиться с неимущими, принуждающая делать это, детерминирующая посягательство на чужое имущество. Возникшее таким образом общественно опасное явление, которое мы сегодня именуем преступностью, предшествовало возникновению государства. Именно в частности поэтому общество (в лице его экономически господствующих политических представителей) и прибегло к созданию государства как силы, "которая бы умеряла столкновения, держала общество в границах "порядка" [7, с. 25].

Таким образом, можно утверждать, что государство как управляющая система общества изначально призвано противодействовать тому, что мы сегодня называем преступностью. В этом заключается сущность ряда внутренних функций государства, на которые указывают правоведы: установление и охрана правового порядка; охрана прав собственности и иных прав и свобод граждан (В.В. Лазарев); охранительная функция, функция защиты граждан (Н.Т. Шестаев); охрана прав и свобод граждан, обеспечение законности и правопорядка (Л.А. Морозова) и др. [7, с. 85]. По Гегелю, государство есть "*защита и обеспечение* жизни и собственности индивидов" [8].

При системном подходе к рассмотрению преступности возникает вопрос о ее функциональности как важном сущностном признаке, который указывает на предназначение преступности в общественной (социальной) жизни. Исходя из концепции понимания права как непосредственного продукта государства и инструмента политики (в том числе уголовной) [7, с. 44, 46], следует сделать вывод о функциональной зависимости "государственного" права и преступности как крайней формы выражения "неправа", можно определить такое ее отношение к праву, которое имеет место в ряду отношений "сдержек и противовесов" (ослабления, уравнивания и т.п.) в системе государственного управления. Право и преступность (как неправое) – две стороны целого явления, согласно Гегелю, они как "отрицательное и положительное ...абсолютно соединены в

субстанционной необходимости" [9]. И это "абсолютное соединение" подчинено действию всеобщего закона действительности единства и борьбы противоположностей.

Преступность играет определенную роль, отведенную ей в системе чрезвычайно сложных, противоречивых, не всегда предсказуемых отношений между людьми.

Увы, но такой философский подход к пониманию преступности нельзя назвать конвенциональным, и потому даже в среде профессионалов можно встретить удивительно упрощенный взгляд на преступность, консервативное убеждение в возможности очистить общество от преступности. Идея искоренения преступности остается в программных разработках даже некоторых правоведов, которые с уверенностью утверждают: "В современных условиях *предупреждение преступности* (выделено автором) является одним из важнейших направлений государственной политики и общества в целях реализации главной стратегической задачи – *ликвидации преступности* (выделено автором) как социального явления. В данном случае предупредительная деятельность должна рассматриваться как одно из средств социального регулирования общественных отношений в целях *устранения причин преступности* (выделено автором)..." [10].

Подвергаются критике понятия, в которых предлагается система научных знаний о частных вопросах, относящихся к предмету криминологического изучения. Такого рода новации снисходительно стигматизируются, именуются как новые "изобретения" [11]. "Усложнение самой преступности, представлений о ней, – пишет профессор А.И. Долгова, – породило мнение о необходимости дробления криминологии путем выделения криминологии семейной, военной, экономической, политической и т.п. ... Но можно ли в этом случае говорить о новой науке – семейной криминологии?" [12].

Криминолог ничего не может "изобрести" или создать что-то ранее не известное: он открывает то, что видит не только он, но ему первому удается дать определение новому явлению или оценить по-новому известное, но не изу-

ченное до конца явление. И нередко за это нововведение его автор оказывается скороспешно "бит" критиком.

И в активизации криминологического познания в каком-либо – семейном, экономическом, теологическом или другом – направлении зарождается вовсе не новая криминология, а получает развитие то самое ее новое будущее направление, которое сегодня только-только прокладывают на ниве науки инициативные исследователи. "Появление указанных отраслей криминологии не означает рождения соответствующих новых наук, – пишет профессор Д.А. Шестаков. – Разумеется, семейная, политическая и т.п. криминологии являются составными частями общей криминологической науки" [13].

Скептицизм наблюдается и в отношении инноваций в области науки уголовного права, которая, по убеждению академика В.Н. Кудрявцева, тем не менее, нуждается в серьезной модернизации. В последние десятилетия, – пишет ученый, – гуманитарные науки стали комплексными, например, историки широко пользуются математическими методами, философы – антропологическими и лингвистическими и т.п. "Что касается уголовного права, то оно крайне нуждается в глубоком анализе демографии, статистики (не только судебной), а также в социологических исследованиях, сравнительном правоведении и, разумеется, прогностике, основанной на понимании тенденций социально-экономического, политического и культурного развития страны" [14].

Криминология органично связана с уголовным правом. Но, в отличие от уголовного права, о ее модернизации криминологи не столько говорят, сколько уже активно модернизируют свою науку. Безусловно, в этом процессе неизбежны какие-либо недостаточно продуманные, а то и ошибочные идеи, но процесс этот закономерный, и он нуждается в поддержке, а если в критике, то конструктивной.

Криминология имеет такие же органичные связи и с социологией, и многие частные социологические теории рассматриваются как криминологические. Вполне возможно появление общих новых частных теорий в этих науках. Но,

если в отношении социологических направлений, в том числе и в изучении преступности, у критиков не возникает претензий, то в отношении криминологических – высказывается решительное "нет". Например, в социологии известны такие ее отрасли, как юридическая, уголовная, судебная, политическая, законодательная, марксистская, политическая, молодежная (ювенальная), конфессиональная, этносоциология, социология массовой коммуникации и множество других. Но почему мы должны нигилистически относиться к развитию в криминологии, например, таких направлений, как политическая, семейная, молодежная (ювенальная) криминология, этнокриминология, криминопенология, криминология массовых коммуникаций и др.?

Известный российский криминолог П.А. Кабанов в одной из своих работ приводит десятки наименований частных криминологических теорий, обилие которых подвигнуло ученого к попытке классифицировать их и, более того, систематизировать научные знания о них в единую междисциплинарную научную теорию, которую П.А. Кабанов предложил назвать таксономией [15].

Некоторые криминологи настроены отрицательно не столько в отношении самой теории, сколько относительно ее названия: например, высказывается мнение, что термин "семейная криминология" нельзя признать удачным; правильно было бы употребить другой термин – "криминология семьи". Но такая перестановка "слагаемых" ничего не меняет. И если в определенных случаях такая перестановка представляется целесообразной, то это объясняется исключительно неблагозвучностью терминологического оборота.

Важнее обратить внимание не на "предотвращение", "пресечение" новых направлений в криминологии [16], а на формирование терминосистемы криминологии, то есть системы понятий, раскрытых в определениях. Дело в том, что в криминологии как комплексной науке (в частности, с ее активным социологическим компонентом) терминологика имеет полисемичный характер. Криминология как научная дис-

циплина закономерно пополняется новыми категориями, в которых находит выражение не только по-новому осмысливаемый вопрос или предлагаемая новаторская мысль, но и самовыражение ученого-новатора. Из этого следует неизбежное многообразие вводимых научных категорий.

В субъективной и "удобной" форме организации научной мысли, несомненно, проявляется индивидуальность ученого. И он пользуется правом выбора соответствующего термина для обозначения явления, которое он познает и толкует с позиции целей и задач, заданных исследованием.

Как отмечают известные российские правоведы, авторы монографии, посвященной криминологической профилактике, "понятийный аппарат науки в целом и юридической в частности далеко не во всем следует общим правилам словоупотребления", поэтому "при использовании в законе, правовой науке и практике тех или иных понятий приходится наполнять их специфическим содержанием, отличающимся от общепринятого" [17].

Но как бы там ни было, такое наполнение должно осуществляться не только с ориентацией на свободу слова, но и делать это исходя из осознания ученым личной ответственности за сказанное слово. Как известно, именно в криминологических понятиях или способах отражения внутренних и внешних связей преступности, возможностей предупреждения преступлений, в том числе различными государственными институтами, например, правоохранительными органами, концентрируются накопленные знания. Подлинно научными понятия становятся тогда, когда верно отражают общие и необходимые признаки сложнейших, многосторонних и динамичных связей [18], которые присущи преступности и системе предупреждения ее.

Понятийные категории имеют большое значение как в теоретическом, так и в практическом аспекте криминологии. По сути, в этом заключается одно из направлений методологии криминологической науки. Но кто, исходя из каких принципов, по каким общепринятым пра-

вилам осуществляет наполнение понятийного аппарата криминологии?

В связи с этим представляют интерес рассуждения А.В. Пчелкина о необходимости обеспечения единообразного толкования технических терминов на основе стандартизации, предусмотренной законом "О техническом регулировании", в частности, на основе информационной совместимости [19]. Применительно к криминологическим терминам сложно проводить аналогию возможностей стандартизации, но идея информационной совместимости и адекватности, как считает автор, заслуживает внимания и серьезного обсуждения.

Вполне очевидно, что в научной продукции ответственного автора находит выражение его индивидуальность, собственное видение реальности, которую он моделирует в понятиях, дефинициях, подчиняя их авторской систематизации знаний, формируемой им концепции. По сути, дефиницией завершается процесс слияния морали и знания, приобретения добродетели путем познания и самопознания [20]. Вместе с этим любой исследователь как автор корректируемой или, тем более, вводимой им дефиниции, в нашем случае, криминологического понятия, должен делать это исключительно на основе методологических законов и категорий. В противном случае понимание чужих смыслов в контексте единой науки оказывается затрудненным. А это не может не сказываться отрицательно на самой науке и, соответственно, на научном мировоззрении, которое формируется у тех, кто ее изучает.

Возможно, в связи с этим следует рассмотреть идею создания криминологического экспертного совета (например, при Российской криминологической ассоциации с участием лингвистов) по терминологической корректности или криминологической дефиниции. Примером тому может служить Международный "круглый стол" по проблеме законодательной дефиниции, проведенный Нижегородским исследовательским научно-прикладным центром "Юридическая техника", филиалом Ассоциации юристов России по Нижегородской области и юридическим факультетом Черновицкого наци-

онального университета им. Юрия Федьковича. Уместно заметить, что в числе обсуждаемых участниками "круглого стола" вопросов был вопрос о специфике дефиниции в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, а также в криминологии.

Перефразируя редакторов издания материалов "круглого стола", можно сказать, что криминологическая "дефиниция есть фрагмент теоретического познания, который показывает, как отражаемое явление реализует себя в действительности, вскрывает его сущность, ограничивает от других объектов" [21]. По мнению автора, научной криминологической общественности можно было бы рекомендовать изучение вопроса о терминосистеме криминологии и требованиях к терминологической деятельности.

Представляется, что в этой отрасли знаний можно было бы предусмотреть следующие положения [22]:

1. Всестороннее осмысление уровня качества предполагаемого криминологического термина или свойств, которыми обладает слово. Эти свойства должны быть интегрированы в способность термина адекватно выражать сущность понятия. Автор полагает, что в качестве таких терминов можно указать термин "жертва преступления", "насильственная преступность" и др.

2. Важно, чтобы термин соотносился только с одним научно-определенным понятием и имел однозначность, одну дефиницию или краткое логическое определение понятия, в котором выражены наиболее существенные, отличительные признаки объекта. Термины, не отвечающие данному требованию, являются некорректными, именуются дублетными [23], или, точнее, многозначными.

Например, нельзя назвать удачным термин "государственная преступность". Слово "государственная" образовано от слова "государство" (основная политическая организация общества, осуществляющая его управление, охрану; страна). Однако это однозначное слово в сочетании с другим однозначным словом-термином приобретает и другое, полярное значение. Государственная преступность – это: 1) преступ-

ность против государства, но и 2) преступность государства.

Было бы правильно назвать выделяемый вид преступности "антигосударственной". В этом случае двойственное значение термина исключается, один термин выражает одно понятие.

К сожалению, многие ключевые понятия в криминологии (такие, как "преступность", "причины преступности", "личность преступника", "борьба с преступностью", "предупреждение преступности" и др.) не имеют единой дефиниции.

3. Следует исходить из конвенционального признания термина в единственном его значении, исключая беспредметные терминологические споры. Поэтому при подборе нужного слова в качестве термина важно знать не только его современное значение, но и происхождение этого слова. Например, некоторые правоведы возражают против термина "уголовная политика" (но в то же время ничего не имея против "уголовного права"). Почему-то отождествляют значение данного термина с термином "криминальная политика", хотя эти термины не являются синонимическими, поскольку обозначаемые ими понятия полярно противоположны. "Криминальная" (от лат. *criminalis* – "преступный") означает "преступная". "Уголовная" (от древнерусского "отвечать головой") определяется в значении "антикриминальная", хотя данный термин обозначает более широкое понятие вида государственно-управленческого воздействия на преступность. Уголовная политика включается в понятие антикриминальной политики [24]. Именно этот термин сегодня получает все более широкое употребление в криминологической литературе.

4. Одно из предлагаемых условий стандартизации "производства" терминов – быть по возможности кратким, состоять не более чем из трех слов, хотя исключения возможны. Перефразируя известный чеховский афоризм, можно сказать: краткость термина – сестра конкретизированного понятия.

Расширение содержания понятия неизбежно требует адекватного значения термина. Чаще это происходит тогда, когда при "производстве"

криминологического понятия за основу берется уголовно-правовая классификация преступлений и в качестве термина используется словосочетание, отражающее, например, наименование главы, группы деяний. Например, трудно воспринимать в качестве термина словосочетание, которое, по сути, употреблено законодателем для наименования главы четвертой УК РФ: "Половая неприкосновенность и половая свобода личности – преступления против них".

Во-первых, данным понятием обозначаются как минимум два вида половых преступлений, которые в уголовном праве, в частности, в связи с особенностями объекта посягательства, рассматриваются дифференцированно: преступления против половой свободы и преступления против половой неприкосновенности. И в этом случае целесообразно было бы определить два соответствующих криминологических понятия и обозначить их адекватными терминами.

Во-вторых, употребление уголовно-правового термина "преступление", в отличие от криминологического термина "преступность", нельзя назвать корректным. По крайней мере, оно обедняет криминологическое понятие "преступность", поскольку подразумевает не социально-правовое явление, а "элементарное" множество преступлений, в котором проявляется преступность. И в этом случае, как справедливо замечает профессор А.И. Долгова, "когда речь идет о преступности просто как о множестве, массе преступлений, внимание акцентируется на статистическом анализе данных о ней" [25].

Но если проявление преступности в сфере половых отношений рассматривается как ее вид, то единственно подходящим в данном случае, по мнению автора, представляется термин "половая преступность", так как в уголовном праве определяются понятие и виды половых преступлений, дается их общая характеристика.

Прямой перенос уголовно-правовых терминов в понятийный аппарат криминологии не всегда целесообразен. Тем более этого не следует делать, когда уголовно-правовое понятие полностью "перемещается", а точнее, дублируется как криминологическое понятие, хотя в нем

ничего криминологического нет. Например, в криминологическом словаре помещен ряд статей, в которых определяются понятия (бланкетной, описательной, простой, ссылочной) диспозиций уголовно-правовой нормы [26].

В данных понятиях не содержится никаких криминологических признаков, то есть тех, которые бы указывали на особенности и возможности оценки и установления причинно-следственных связей того или иного деяния, использование правовой информации в предупреждении преступлений, особые требования к специалисту в области их предупреждения, значение криминологических знаний в формировании законодательных дефиниций и т.п. Если в этом плане понятие не отражает криминологической сущности, не играет роли в криминологическом образовании, то закономерно поставить вопрос: с какой целью автор вводит его в понятийный аппарат криминологии? Кроме дублирования определенных положений из других отраслей права, учебных дисциплин ничего другого такое терминопобразование не дает.

Можно назвать такого рода ситуацию ошибкой, но использовать это слово вовсе не как синонимный уголовно-правовой термин, а как термин криминологический и обозначить им такое понятие: "неправильное представление криминолога о действительном научном характере определяемого им криминологического понятия и обозначении его соответствующим термином".

5. Исходя из особенностей русского языка, распространенной в нем неоднозначности слов, когда из множества явлений, процессов, которые в одинаковой мере могут быть определены в качестве объекта исследования не только криминологией, но и другими отраслями знания, следует учитывать, что абсолютная однозначность терминов, то есть использование их в криминологии, возможна, скорее, как исключение.

Но в любом случае каждый термин должен иметь только одно значение в той области знания и деятельности, в которой он применяется, а также тогда, когда его применение допускается в смежных областях. В тех областях, которые

не соприкасаются друг с другом, то есть не являются смежными, также тогда, когда может употребляться одно и то же слово-термин, однако обозначать оно будет другое понятие – из соответствующей области знания и деятельности. Например, термины "борьба", "предупреждение", "личность", "жертва", "детерминация", "контроль" и другие используются не только в криминологии. Но употребляемые в качестве криминологических терминов они обозначают криминологические понятия и таким образом отличаются своей принадлежностью к криминологической науке и деятельности (осуществлении криминологических исследований, экспертиз, консультаций, криминологического прогнозирования и др.).

6. К определению термина и введению его в научный оборот не следует относиться как к акту временного характера. Независимо от того, насколько полно и четко определено понятие, сформулирована его дефиниция и подобрано слово для термина, теоретическое описание нового или скорректированного научного знания, термин, чаще в виде статьи, вливается в общий массив научного знания. И с этого момента опубликованный исследовательский результат, можно сказать, утрачивает свои генетические связи с авторским исследованием, хотя авторство и остается, но "всего лишь" как "товарный знак" или средство индивидуализации ученого. Сущностный же результат, полученный и опубликованный ученым, становится научным фактом, который связывается с другими элементами научного знания, научной системы.

И в связи с этим очень важно, чтобы введенные в научный оборот понятие и его термин получили характер органической составляющей или обладали свойствами системообразующего элемента в процессе систематизации знаний, обеспечивали этот процесс, устремленный к открытиям новых картин, скажем, в предмете криминологии.

При таком условии, например, криминологическая терминологика обретает свойства подсистемы системы знаний о "картине" преступности, ее внутренних, внешних закономерностях и возможностях управленческого воздей-

ствия на эти закономерности, а точнее, на их детерминанты.

Итак, что же следует понимать под криминологической терминологией и ее содержанием?

Криминологическая терминология – это логическое обобщение и объяснение опыта в области разработки научных категорий как наиболее общих и существенных понятий, обозначаемых терминами, и составляющих таким образом понятийный аппарат криминологии, ее терминологию.

Терминология – это не простая совокупность терминов. Термин (от лат. *terminus* – "элемент") чрезвычайно важен в научном языке. В древнеримской мифологии этим словом обозначался бог межей, пограничных межевых столбов, камней, охранитель границ. При этом у каждого участка был свой термин (бог), персонафицированный в камне [1, с. 793]. Термин "охранитель границ" следует понимать как гарант административно-территориального образования, или множества закономерно соединенных между собой элементов, которые образуют определенную целостность, единство или систему [1, с. 741].

Следовательно, термин в криминологической науке выступает как один из узловых компонентов, который устанавливает взаимосвязи элементов научного текста, в котором выражена система научных знаний.

Таким образом, слово-термин "терминология" включает в себе системообразующую сущность, ибо каждое понятие, обозначенное термином, представляет собой элемент системы знаний или, в рассматриваемом случае, криминологической отрасли знания. Ввиду этого следует рассматривать терминологическую лексику криминологии как терминосистему, в которой выражена система понятий, раскрытая в определениях или дефинициях (от лат. *definitio* – "определение").

Следует заметить, что в современной науке термины "определение" и "дефиниция" не рассматриваются как синонимы. Определение – это логическая операция, мыслительный процесс, в котором раскрывается содержание понятия. В результате формулируется в сжатой и

явной (четкой, видимой, открытой) форме основное содержание (квинтэссенция понятия, или дефиниция). По сути, любой словарь – это словарь дефиниций, или сжатых понятий.

В зависимости от вида дефиниций можно говорить и о видах обозначающих их терминов. В нормотворчестве, законодательных текстах дефиниции имеют нормативный характер. В научных текстах через дефиницию, как считает автор, реализуется описательная функция науки.

При аналогичном дифференцированном рассмотрении криминологической терминосистемы, ее формировании, упорядочении можно выделить два вида мыслительной деятельности (терминологии): исторического, нормативного и описательного характера.

Историческая терминология обращена к зарождению, развитию до современного состояния терминологической лексики. Например, несложный исторический анализ термина "криминология" показывает, как существенно изменялось это понятие в отечественной криминологической науке. Определяемая первоначально как "наука о преступлении", или общественно опасном и уголовно наказуемом акте поведения человека, сегодня криминология представлена в научном знании как отрасль, изучающая преступность, или общественно опасное, социально-правовое и уголовно наказуемое явление.

Выделение криминологии (наряду с уголовным правом) из общего правового учения о преступности поставило ученых перед необходимостью формирования терминологической лексики новой отрасли науки. Этот процесс продолжается и сегодня. В ходе этого процесса, во-первых, была осуществлена, образно говоря, "приватизация" ряда общенаучных (точнее, применяемых в правовом учении о преступности) терминов; во-вторых, получило начало производство собственных, узконаучных (непосредственно криминологических) терминов, что не могло обойтись без заимствования слов-терминов из других областей знания и деятельности.

Изучение истории терминологической лексики следует определить как одно из направлений самопознания криминологии.

Нормативная терминология ориентирована на реализацию научного интереса к технологии, методике терминологической работы, требованиям, которые предъявляются к терминам и терминосистемам.

Задачей описательной терминологии является критический анализ терминов, терминологии, терминосистемы в целом [22]. Через описательную терминологию исследователь получает возможность проследить общий характер, научную состоятельность и другие вопросы реализации описательной функции криминологии, что же касается самопознания, саморазвития этой науки, то здесь открывается инновационная возможность формирования описательной функции самопознания.

Терминологическая лексика учебной дисциплины "Криминология" должна быть лишена такого многообразия лексических средств, которые рождаются, утверждаются, отвергаются в неизбежном процессе познания. В отличие от других научных дисциплин, данная учебная дисциплина ориентирована на аудиторное изучение того, что знают криминологи. При этом следует учитывать разный уровень учебной аудитории – студенческой, аспирантской, преподавательской (повышающей квалификацию).

Возвращаясь к вопросу об учебнике по криминологии, следует отметить, что подобно тому, как судьбу фундаментального научного исследования решает, в конечном счете, Высшая аттестационная комиссия Министерства образования Российской Федерации, так и судьбу любого учебника по криминологии следует решать соответствующей комиссии данного Министерства. При этом текст учебника должен пройти независимую экспертизу, которую могли бы проводить специалисты Российской академии наук, Российской академии образования, Российской криминологической ассоциации. Такой порядок сегодня устанавливается для школьных учебников [27].

И одной из задач, стоящих перед экспертами, в обязательном порядке должна быть стандартизации элементов предмета "Криминология" в рамках государственного образовательного стандарта. К сожалению, сегодня Государ-

ственные образовательные стандарты высшего и послевузовского профессионального образования, предусмотренные ст. 5 Федерального закона "О высшем и послевузовском профессиональном образовании" [28], не распространяются на терминосистему учебной дисциплины.

Список литературы

1. Новейший словарь иностранных слов и выражений. – М.: Современный литератор, 2005.
2. Принс А. Защита общества и преобразования уголовного права. – М., 1912. – С. 156.
3. Иншаков С.М. Зарубежная криминология. – М.: Издат. группа ИНФРА-М-НОРМА, 1997. – С. 87.
4. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции; предисл. В.Н. Кудрявцева. – М.: Изд-во НОРМА, 1999.
5. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2003.
6. Философский словарь; под ред. И.Т. Фролова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М.: Политиздат, 1991. – С. 304.
7. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 1998.
8. Гегель Г. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – С. 148.
9. Гегель Г. Наука логики: в 3-х т. Т. 2. – М.: Мысль, 1971. – С. 106.
10. Кузнецов А.П. Проблема определения смежных понятий в уголовной и криминологической науке // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Мат-лы Междунар. "круглого стола" (Черновцы, 21-23 сентября 2006 года); под ред. В.М. Баранова, П.С. Пацуркивского, Г.О. Матюшкина. – Н. Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр "Юрид. техника", 2007. – С. 1129.
11. Номоконов В.А. Современная криминология: традиционные подходы и новые направления // Пути развития российской криминологической науки и образования в XXI веке: научн.-практ. конф.: тез. докл. – Волгоград, 2001. – С. 22.
12. Долгова А.И. Закономерности преступности, борьба с ней и научное обеспечение борьбы // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон; под ред. А.И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2001. – С. 39-40.
13. Шестаков Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп.; предисл. В.П. Сальникова. – СПб.: Изд-во Р. Асланов "Юрид. центр Пресс", 2006. – С. 30.
14. Кудрявцев В. Науку уголовного права пора модернизировать // Уголовное право. – 2006. – № 5. – С. 130.

15. Кабанов П.А. Криминологическая таксономия: понятие, таксономические единицы, основания группировки // Преступность и проблемы борьбы с ней; под общ. ред. А.И. Долговой, В.И. Каныгина. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2007. – С. 52.
16. Антонян Ю.М. Богословский поиск в криминологии бесполезен. А.А. Конев. Актуальные проблемы современной криминологии (Вопросы методологии и причинности) // Государство и право. – 2005. – № 6. – С. 113-115.
17. Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я. Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. – М.: НОРМА, 2001. – С. 8-9.
18. Значение научных определений // <http://www.referator.com/books/34/154/c1378>
19. Пчелкин А.В. Терминология закона в условиях научно-технического прогресса // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Мат-лы Междунар. "круглого стола" (Черновцы, 21 – 23 сентября 2006 года); под ред. В.М. Баранова, П.С. Парцукивского, Г.О. Матюшкина. – Н. Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр "Юрид. техника", 2007. – С. 531-532.
20. Корнющенко Д.И. Интегральная диалогика: интенсивная технология гуманитарного образования. – М., 2005 // http://lit.lib.ru/k/kornjushenko_d_i/text_0110.shtml
21. Многополярность и полуфункциональность законодательной дефиниции. Вместо предисловия // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы: Мат-лы Междунар. "круглого стола" (Черновцы, 21 – 23 сентября 2006 года); под ред. В.М. Баранова, П.С. Парцукивского, Г.О. Матюшкина. – Н. Новгород: Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр "Юрид. техника", 2007. – С. 531-532.
22. Завтрашнему миру – единый язык науки, техники, экономики // <http://miresperanto.narod.ru/biblioteko/svavost/05.htm>
23. Константинова О.С. Использование терминологической лексики в научной литературе // <http://referatcollection.ru/23494.html>
24. Долгова А.И. Предисловие // Преступность как она есть и направления антикриминальной политики; под ред. А.И. Долговой. – М., 2004. – С. 3.
25. Долгова А.И. Преступность как объект криминологического изучения // Криминология: учебник для вузов; под ред. А.И. Долговой. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2005. – С.69.
26. Российская криминологическая энциклопедия; под общ. ред. А.И. Долговой. – М., 2000. – С. 164-165.
27. Агранович М. Куда пропал Чапаев? В Федеральном перечне учебников останутся только книги, прошедшие экспертизу РАН и РАО // Российская газета. – 2007. – 5 июня.
28. О высшем и послевузовском профессиональном образовании. Федеральный закон от 22 августа 1996 г. № 125-ФЗ (с последующими изменениями, внесенными Федеральным законом от 31.12.2005 г. № 199-ФЗ) // Российская газета. – 1996. – 29 августа.

В редакцию материал поступил 08.08.07.